

Жизнь наша в старости – изношенный халат:

И совестно носить, и жаль оставить;

Мы с ним давно сжились, давно, как с братом брат;

Нельзя нас починить и заново исправить...

/ Петр Вяземский /

- Когда ты уже сдохнешь, дура старая?! – ненавистным голосом произнес племянник старушки. Именно к ней, к старушке, относилось «любезное» обращение.

У племянника, ее прямого наследника, Леопольда Ефремовича Жвачкина, подобное обращение вошло в привычку, однако старенькая тетушка не могла привыкнуть, не смирилась, но недовольства не выказывала, дабы не усугубить ситуацию. Леопольд Жвачкин был не единственным наследником, еще одной наследницей была не менее «любящая» тетушку родственница – Олимпиада Ефремовна Перепелкина, по бывшему мужу Перепелкина, в девичестве Жвачкина, родная сестра Леопольда Ефремовича.

Родственники «достались» Матрене Тимофеевне Раковой от брата, Ефрема Жвачкина, который покинул этот мир много лет тому назад. Матрена задержалась, что весьма огорчало прямых наследников.

В наследство Лео и Липа должны получить большую трехкомнатную квартиру в центре города. В квартире имелась антикварная мебель, бабкины безделушки – все натуралес, не абы как: муж бабки Матрены был высокопоставленным партийным чиновником во времена СССР...

Липа Перепелкина подкралась сзади к сидевшей на стуле Матрене и стукнула своим увесистым кулаком ей по голове. Матрена ойкнула и втянула голову в плечи. По щекам моментально побежали ручьем слезы, от боли, жалости к себе, от обиды. И опять же моментально родился вопрос «за что?»

Подобные вопросы возникают у каждого, кто получает удары судьбы. Прежде, в далеком прошлом, Матрена Тимофеевна никогда не раздумывала, за что ей дано то или иное испытание. Жила, боролась, не куксилась.

Теперьшнее «за что» витает в голове постоянно. Но никогда старушка не озвучила вопрос, не направила его по нужному адресу – тем людям, кто морально и физически ее унижает. И к чему вопросы, если старушка и так знает – не за что ее унижать! Да, она тоже не без греха, как без этого –

наверное, кто-то был на нее обижен. Но только не племянники, дети ее любимого брата Ефрема.

Могла бы напомнить: я на вас всю жизнь положила, если бы не я...

Но она не из тех людей, кто требует отдавать долги...

Матрена и Ефрем Жвачкины выросли в деревне. Семья была дружной, кроме них было еще трое детей, всего пятеро. Дети Жвачкиных трудились наравне со взрослыми. В школе учились по-разному. Матрена и Ефрем были прилежными учениками, сообразительными, особенно хорошо успевали в точных науках, остальные ребята учились кое-как, но на второй год не оставались и то ладно. Не все дети вытянули восьмилетку, но никто их за это не корил. Тем более, учеба трех старших детей пришлось на тяжелое военное и первое послевоенное время.

Их отца, Тимофея Жвачкина, на фронт не взяли, он еще до войны стал инвалидом, получил серьезное увечье. Во время сенокоса подросток-неумелок отрубил ему косой пальцы. Был здоровый мужик, стал инвалид. При ходьбе прихрамывал, но силушка в руках осталась. Тимофей в числе первых пришел на призывной пункт, требовал отправить его на фронт, хотел биться с врагом, но ему отказали – как ни крути, а инвалид. Но поручили возглавить колхоз. Жили они на Урале, в большой деревне. Мужики отправились защищать Родину, в тылу остались женщины, старики, дети плюс эвакуированные подтянулись. Трудное было время.

Матрена родилась в день Победы, девятого мая сорок пятого года, и стала последним ребенком в семье Жвачкиных. Ефрему в ту пору был год с небольшим. Разница в возрасте со старшими детьми была большая, мать уже не думала, что сможет родить. Но смогла: сначала, в сорок четвертом, на свет появился Ефрем, потом и Матрена. Братья возились с мелюзгой - матери помогали, но без особого энтузиазма, тем более нет смысла говорить о некой дружбе: они - взрослые люди, а эти двое - мелюзга, им ни чета. Ефрем и Матрена всегда были «не разлей вода», в друг дружке души не чаяли.

В деревне семью Жвачкиных называли Пастухами. Издревле их предки пасли скот, от жующей скотины и пошла фамилия. Так они сами считали, а там кто его знает, никаких летописей по этому поводу не сохранилось. Фамилия фамилией, а прозвище так и прицепилось, передавалось из поколения в

поколение. Частенько сами забывали, что они Жвачкины, больше откликались на прозвище Пастух.

И кто бы мог предположить, что двое младших детей Пастухов «станут городскими», ведь все поколения занимались крестьянским трудом...

Во время войны в доме Жвачкиных квартировала женщина с ребенком. Когда родной город освободили от фашистских оккупантов, засобирались домой. Перед расставанием оставила свой адрес – на всякий случай.

Случай представился, когда Ефрем и Матрена окончили восьмилетку и возникла необходимость учиться дальше. Младшие дети ходили в один класс, родители специально подгадали – отдали Ефрема в школу на год позже, чтобы проблем было меньше. Вместе учились, вместе окончили, вместе же и уехали в далекий город, где проживала эвакуированная женщина, зная не знавшая, что у Жвачкиных появилось еще двое деток: Ефрем тоже родился после ее отъезда.

Прожили у знакомых несколько дней, поступили в машиностроительный техникум и перебрались в общежитие при техникуме.

Окончив техникум, работали на металлургическом заводе, параллельно учились в машиностроительном институте, на заочном отделении. Именно в институте Матрена познакомилась с будущим мужем, который был из своих, из деревенских. Он активно занимался общественной работой, в партию вступил в девятнадцать лет. Матрена быстро поняла, что влюблена и что любовь взаимна - ее любит парень, надежный и порядочный, с которым она будет счастлива.

А Ефрем Жвачкин и тут опередил младшую сестру: к тому времени успел жениться на девушке-сироте. Ее отец погиб на фронте, мать и бабушка с дедом – при бомбежке, полугодовая девочка чудом спаслась. Воспитывалась в детском доме.

Всегда считала, что будет жить до ста лет: раз выжила одна из всех жителей дома, в который угодил вражеский снаряд.

Как будто сглазила себя. Умерла при родах... Молодой матери не стало, на свет появился второй долгожданный ребенок, дочь, которую по настоянию матери (заранее было оговорено) назвали Олимпиадой. Сыну Леопольду в то время было всего три года.

Ефрем остался молодым вдовцом при двух малых детях. В то время ему не было и тридцати. И кто придет на помощь брату в такой сложный жизненный период? Конечно, самый близкий человек - родная сестра Матрена.

Матрена только-только сменила фамилию Жвачкина на Ракову, наслаждалась медовым месяцем, мечтала о своих детях. Но пришлось опуститься с небес на землю, запрятать мечты подальше и заняться племянниками.

Так и зажили вчетвером. Родной отец часто навещал детишек, но подолгу не задерживался. Сестра замечала, что при виде детей страдания накатывают на Ефрема с новой силой. Судить или выговаривать Матрена не собиралась. При появлении брата каждый раз замирала – боялась, что он заберет детей. Заберет навсегда. И тогда уже она будет их навещать.

Но Ефрем вообще не говорил о будущем. Всех всё устраивало. В том числе и супруга Матрены. Другой бы на его месте напомнил жене, что она воспитывает племянников, детей своего брата-вдовца! Никто не спорит – брату необходима помощь. Помощь! А не полная замена родителей. И неплохо бы подумать о прибавлении в своей семье.

Супруг не напоминал, не требовал, не указывал. Он так же, как и Матрена, любил детишек. А так же, как Ефрем, был с головой погружен в работу. Только Ефрем – в работу машиностроительного завода, а супруг Матрены был маленьким колесиком большого партийного механизма. Пока маленьким колесиком...

В общем, воспитание детей, надо признать - с весьма сложными характерами, легло на хрупкие женские плечи. Матрена списывала сложность характеров на непростые имена, данные детям при рождении. Пыталась заговорить с братом на эту тему, но так и не решилась. И как заговоришь на «больную» тему: все-таки имена детям давала женщина, которая произвела их на свет, и которой больше нет. Кто ее осудит за пристрастие к чтению?! Именно из романов невестка почерпнула «заморские», как выражалась Матрена, имена. Еще повезло, что родилась дочь, все-таки Олимпиада – еще так сяк, то ли дело – Ангальт. Ангальтом назвали бы второго сына. Слава Богу родилась девочка. Если бы вместо Леопольда родилась дочь, то ее бы назвали Леопольдиной. Недалеко ушла от Леопольда.

Ефрем быстро поднимался по служебной лестнице. Потому что пахал от зари до ночи, без выходных, без отпусков. Сестра считала: брат пытается забыться в работе. Надеялась, рана затянется, Ефрем захочет ЖИТЬ. В том

смысле, что встретит женщину... Она родит ему детей... И никто не отберет у Матрены Лео и Липу. Они ее, только ее!

Неизвестно, как бы сложилась жизнь Ефрема дальше, не случись страшной трагедии.

Ефрем Жвачкин погиб в автомобильной аварии, не справился с управлением, водительского опыта было маловато.

И что же дети? Они так редко видели своего отца, что будто бы и не заметили его ухода.

Лео ходил в первый класс, Липе только исполнилось четыре.

Тетка объяснила просто: «Уехал в длительную командировку, когда вернется, неизвестно». Больше дети вопросов не задавали. Тетка оформила опеку над племянниками и стали они жить дальше.

Поначалу Матрена спокойно реагировала на безразличие детишек к отсутствию отца, ссылаясь на малый возраст, потом призадумалась – кого же я воспитываю? И правильно ли воспитываю? Оберегаю от проблем, жалею по мелочному поводу, исполняю любое желание, любой каприз, не закаляю характер... Что же из них выйдет?..

Призадумалась не сразу. После гибели Ефрема ей и призадуматься некогда было. Дети начали «дружно» болеть. Как сговорились - тетку надо отвлечь от горя. Сговор удался. Детвора постоянно простужалась, болела долго и, что называется, «с чувством». Тетка сходила с ума от переживаний, ночей не спала, сидела у детских кроваток и молила Бога, в тайне от мужа-коммуниста, чтобы Бог их защитил.

В тайне же от мужа отвела детей в церковь и окрестила. При крещении детям дали другие имена, но никто этих имен вслух не произносил.

Думала, что в тайне окрестила, оказалось, что на работу направлен «донос». Муж с трудом «отмылся», а его супруга дала себе зарок - не верить попам, в церковь больше не ходить. И держала клятву по сей день. Разговаривала с Богом «без посредников», напрямую.

С младых лет детишек баловали – сироты. Сиротами были и при живом отце, занятым своими производственными делами, а без отца, вообще, тетка от любви умом тронулась. И понимала, что неправильно воспитывает, да где там: средства позволяют! Сироты...

В школе детишки учились неплохо, но «звезд с неба» не хватало. Вели себя примерно - на людях, а дома – «стояли на головах».

Тетка ограничивалась вежливыми замечаниями, на которые дети реагировали слабо или, вообще, не реагировала. Никогда не возникало желание отлупить как «сидорову козу» - так с Ефремом и Матреной поступал жесткий отец: за любое неповиновение – розги. И не было никаких неповиновений, так, косой взгляд или поджатые губы. Никто из детей на отца не обижался, все так «воспитывали»: розгами, «без пряника». Пряник еще нужно было заслужить, заработать. Но время другое было, нынче все иначе.

Тетка сделает замечание, потом сама же приголубит-приласкает, будто бы извиняется. Как не извиняется - сироты. Вслух это ледяное слово никогда не произносила, чтобы не ранить детские сердца. Только бы не чувствовали себя ненужными, обделенными в любви.

Матрена обижалась, тайно, лишь на то, что не называют мамой. Никогда. Только тетенькой.

Потом, взрослея, тетей. Когда мужа не стало – теткой. Позже - гримзой безмозглой, дурой старой. Приживалкой. Дохлой крысой. Почему крысой, почему дохлой?

«Любящие» родственнички порядком попортили здоровье Матрене Тимофеевне. Хотела она уйти в монастырь, но быстро передумала. Потом собралась в дом престарелых, да взрослые детишки отговорили: почему-то испугались. Решили – будут терпеть, недолго бабке небо коптить, тем более, с такой «заботой».

И куда торопиться?! Не ютятся по чужим углам, хорошими квартирами их обеспечили, опять же бабка под ногами не путается. Притом, не лежащая больная, передвигается без посторонней помощи, ведет самостоятельную жизнь. До ста лет точно жить не будет, квартира и всё остальное так или иначе им достанутся. Подождут... Но один ее вид их бесит! Робкая угодливая улыбочка раздражает до безумия... Насточертела! И время бежит неумолимо: «хороша ложка к обеду»...

Своих детей нет ни у Лео, ни у Липы. Лео так и не женился, хотя возраст перевалил за пятьдесят. Всю жизнь путался с замужними женщинами, гораздо старше себя. Липа много раз выходила замуж, но быстро разводилась, и всегда инициаторами развода были мужья. Ничего удивительного – характер вздорный. Но умеет прикидываться овечкой. Правда надолго ее не хватает –

скидывает овечью шкуру, а под шкурой - гиена. «Разоблачается» Липа в привычных домашних условиях, срабатывает инстинкт усталости – устает она притворяться на людях...

В кошмарном сне Матрене не могло привидеться, что дети ее родного и обожаемого брата, ее дети, будут к ней так ужасно относиться.

Она не требовала чего-то сверхмерного, всего лишь элементарного уважения, без упреков и презрения. Никогда не повторяла «Я вас вырастила, вы должны...»

Она растила этих детей не для того, чтобы было кому подать стакан воды в старости, она очень любила этих детей. Любила избалованных, хитрых, вздорных, двуличных – слишком поздно это осознала. Заметила бы раньше, что это изменило?

Безумная любовь не вносит коррективы в воспитание. Безумная любовь оправдывает, прощает, обвиняет невиновных и не всегда, крайне редко, получает алаверды от того, кому эта безумная любовь была адресована.

Так вышло и с Матреной. В конце жизни получила «благодарность» за всё. За бессонные ночи, постоянные переживания, чрезмерные переживания – все-таки не ее собственные дети, племянники, ответственность выше...

Нельзя так глубоко погружаться в любовь к детям, ничего хорошего из этого не выйдет.

Поздно после драки кулаками махать.

Надо было правильно и своевременно реагировать на истерики Леопольда, который за любой отказ падал на пол и бился в истерике. Пусть бы бился в истерике до тех пор, пока не устанет. Один бы раз, другой, третий, в итоге бы умурился и успокоился – реакция взрослых не та, на которую он рассчитывал. А Олимпиада? Взяла в привычку бросать в тетку свои игрушки. А тетка знай себе смеется и бросает обратно. Дескать, лови. Игра такая. Не игра вовсе. Тетка старается кидать игрушку легонько, точно в руки племянницы, а племянница норовит бросить со всей силы. Ее цель – теткина голова, а еще лучше - глаз...

Что посеешь, то и пожнешь.

Матрене не нужна благодарность. Ей ничего не нужно от племянников, только бы оставили ее в покое. Пусть не приходят, не приносят свои «гостинцы». Ее тяготят даже мысли о единственных близких ей людях.

Старается не думать, но разве с мыслями договоришься: так и лезут в голову, так и рисуются страшные картинки. Чтобы отвлечься, разговаривает с покойным мужем. Берет в руки его портрет и общается в одностороннем порядке. Ни слова о детях, о теперешней своей жизни. Вспоминает молодость, как работали, как учились. Как женились. А женились они тринадцатого апреля, и в руках невеста держала букет желтых одуванчиков. Гляди-ка - никакие суеверия их семью не коснулись, все годы прожили в любви и согласии... Матрена то рассмеется, то украдкой слезу смахнет – чтобы он не заметил. Все у них в прошлом было – и радости, и неудачи, и проблемы разного калибра, главное – их было двое, они были единым целым...

Матрена представляла, как бы сложилась их жизнь, если бы не умерла супруга Ефрема, если бы сам Ефрем не погиб в той жуткой автомобильной аварии. Возможно, женился во второй раз, у Липы и Лео была бы мачеха... С мачехой не забалуешь, мачеха по определению не может быть доброй, ласковой, любящей... Какими бы выросли дети?

Матрена родила бы своих детей. Она уверена: родных детей воспитывала бы иначе, чем племянников-сиротинушек - без оглядки, без немого вопроса к покойным отцу и покойной матери сиротинушек: все ли делаю так, как вы хотели, оправдываю ли ваше доверие, довольны ли? Уж очень не хотела вызвать обиду. У своих бы детей были родные отец и мать, никто бы не стоял «за спиной», не перед кем было отчитываться.

И зачем ворошить прошлое, тем более, пытаться его переписать? Ни к чему это...

Воспитание детей – процесс необратимый, все равно как бросить кусок сахара-рафинада в чашку с горячим чаем...

Об одном жалеет Матрена: что не ушла вслед за мужем. Тогда бы не пришлось терпеть издевательства... Или она уже умерла? Раньше смерти?..

Эх, детишки... Изверги вам имя...

Леопольд всегда приходил к тетке с пустыми руками, Липа, напротив, с гостинцами. Поначалу Матрена считала, что племянница изображает перед соседями «мать Терезу», потом заподозрила неладное. Слишком навязчиво Липа предлагала отведать принесенное блюдо, слишком ластилась, в глаза заглядывала. Тетка ссылалась на плохой аппетит, на недавний обед или ужин, одним словом, находила причину для отказа, но обещала все съесть, позже.

Вполне возможно, что блюда, приготовленные племянницей, не приправлены чем-то... нехорошим, но лучше перестраховаться. Тем более, Липа имеет отношение к медицине – недолго училась в мединституте, как вылечить не сообразит, как залечить до смерти, придумает.

Хотела Матрена провести проверку блюда на дворовой собаке Шурке, но пожалела собаку – а вдруг? Жалко псину, хорошая, добрая, умная. И постоянно голодная.

А Матрена глупая, раз ей в голову приходят мысли об отравлении. Разве Липа способна на убийство человека, который заменил ей мать, да и отца?

Кажется, у нее начинается паранойя. Чем не повод упечь в психлечебницу?! Заявит тетушка, что ее хотят отравить, предъявить для проверки еду, приготовленную Олимпиадой, а там... нет никаких отравляющих веществ.

Потому Олимпиада и ведет себя, как услужливая нянька: пытается вызвать у тетки подозрение. Доведет до психического расстройства без особых усилий. И кто заподозрит неладное? Точно, никто, кроме тетки, которая знает племянников как облупленных, по глазам все понимает, как дворовая собака Шурка.

Тетушке лет немало, пора и честь знать, как говорят взрослые дети, но ей жизнь не надоела. Пусть не стараются – руки на себя она не наложит, пусть все идет своим чередом. Сколько ей отведено лет жизни, столько и проживет, ни больше, ни меньше. Только бы не мучиться, только бы не слечь...

Будто бы не донимает детей просьбами, не пристаёт к ним с глупыми разговорами, а они ее жутко ненавидят. За что? За долгую жизнь, похожую на изношенный халат, который давно требует утилизации?

Ее жизнь - не изношенный халат, Матрена еще сравнительно бодра, в своем уме, при памяти...

После семидесяти некоторые старики строят новые отношения. Боятся одиночества. У Матрены подобных мыслей нет, ей просто хочется покоя, одиночество ее не пугает.

Некстати подумала... об одном мужчине. Недавно появился. Живет в доме, расположенном напротив ее дома. Ну и жил бы себе, не тужил. Так нет, постоянно попадает на глаза. Вежливо заговаривает с ней, она старается улизнуть, сославшись на дела. Тоже мне, жених нашелся. Смешно в таком преклонном возрасте заводить шуры-муры... Или насочинила? У него и в мыслях нет шур-мур всяких, просто видит в ней приятную собеседницу...

Почему бы не пообщаться с человеком, который вполне искренен...

Или... его подслали? Зачем?

Ну, точно, паранойя!

Еще чуть-чуть и племянники достигнут своей цели. Они давно мечтают, чтобы тетку признали умственно-отсталой, после чего можно со спокойной душой препроводить ее в психушку. Но кто возьмет на себя смелость подтвердить, что человек в здравом уме - умственно отсталый? Нет никаких отклонений, ни внешних, ни внутренних. Никто из соседей не подтвердит «диагноз» непрофессионалов или подкупленных профессионалов. Соседи Матрену Тимофеевну уважают. Вида не подают, что осведомлены о сложных отношениях с детьми, но иной раз поглядывают на нее кто с жалостью, кто с любопытством и ожиданием признаний, кто с недоумением. Конечно, подозревают, что в их семье не все гладко, хотя, старушка «сор из избы» не выносит, совсем не любит говорить о детях (никто не знает, что они ей племянники), чтобы не сболтнуть лишнего. На людях двуличные мужчина и женщина ведут себя образцово – водят под ручку, целуют в щеки при расставании, обнимают, сюсюкают. А Матрене от этих неискренности еще горше становится. Ведь, не дура, все понимает...

Актеры из племянников были так себе. Особо любопытные соседи часто задавали разные каверзные вопросы, на что Матрена отвечала: «Все хорошо, дети замечательные. Сами видите, как заботятся обо мне, пылинки сдувают».

Когда в стенах квартиры племянники называли ее разными нехорошими словами, то не кричали, а шипели, как змеи. Лео не занимался рукоприкладством. И не потому, что жалел «дуру старую», а потому что боялся переусердствовать, удар не рассчитать: убить недолга, сам же после и пострадает... ни за что. Сам об этом не раз говорил.

Оказывается, убийство человека, который всю жизнь дрожал над детьми-сиротами, это ничто, ерунда полная, все равно, что комара прихлопнуть – опять же польза для населения.

Олимпиада дубасила тетку по всем местам, особенно доставалось голове. Таскала за волосы, больно щипала, оставляя синяки-отметины. Синяки долго не сходили, приходилось их прятать от людских глаз. Липа была уверена, что тетка никому не пожалуется, что ей все сойдет с рук.

Матрена часто задумывалась, что ее пугает больше – удары по разным местам старого тела или змеиное шипение. Олимпиада сопровождала

рукоприкладство шипением – грозила, обзывала такими словами, которые в приличном обществе и повторить нельзя. А тетка – дура старая, гримза безмозглая и тому подобное, помалкивала. Тихо плакала, беззвучно, чем еще больше раззадоривала племянницу.

Но мысленно задавалась привычным вопросом - «за что?» После появился еще один вопрос «когда все это закончится?» Силы старушки были на исходе, терпению приходил конец.

Однажды «за что» неожиданно вырвалось.

- Ненавижу, - с пеной у рта прорычала Липа, страшная в гневе - без чужих глаз, милашка - на людях. Надо признать, уважаемая в своем коллективе, всегда готовая прийти на помощь, в любое время дня и ночи. Прекрасной души человек. И собой необыкновенно хороша. Никто не даст ей ее возраста. Неужели пятьдесят? Быть такого не может. Хорошо сохранилась, потому что добра, зла не держит.

Матрена Тимофеевна наслушалась подобных речей на праздновании юбилея племянницы, куда были приглашены все коллеги, тетка в том числе. Нельзя не пригласить старуху, что люди скажут. Олимпиада занимала должность инженера-технолога на том же машиностроительном заводе, где некогда директорствовал ее отец, прекрасный человек и руководитель.

Олимпиада Ефремовна подняла тост за здоровье тетушки, наговорила разных благодарственных слов, а у тетушки в ушах звучали другие слова, произносимые племянницей наедине...

И постоянно Матрена возвращалась в недавнее прошлое, когда осталась вдовой, без поддержки и заботы супруга...

Несколько лет назад Матрена вдруг занемогла. С каждым днем ей становилось все хуже и хуже. Дошло до того, что сил не осталось совсем.

Решила – последствия стресса, все-таки потеряла самого близкого человека.

Долго боролась самостоятельно, народными средствами, потом все же вызвала участкового терапевта на дом. Пришла молодая пигалица, Матрену ее вид не впечатлил, пожалела, что была настойчивой и дозвонилась-таки в регистратуру. Надо было оставить затею с дозвоном, самой выкарабкиваться.

Но докторша оказалась знающим специалистом, сразу сообразила, что к чему. Принялась осматривать, задавать вопросы про сонливость, слабость,

дрожание конечностей? Заинтересовалась апатией, чувством беспричинной тревоги. Спросила о мучавших болях – где именно? А волосы выпадают?

Измерила давление, принялась изучать глаза, раздвигая их по очереди своими тонкими пальцами. Послушала пульс. Потребовала показать зубы. И поставила диагноз: хроническое ртутное отравление.

Вызвала неотложку – для госпитализации больной, и вызвала бригаду для дезинфекции и нахождения источника отравления – металлических шариков ртути из разбитого градусника.

Матрена Тимофеевна заранее согласилась: разбила термометр, запаматовала, в каком месте квартиры, и не подумала, как опасны пары ртути.

Источник обнаружили за плинтусом, в спальне, при всем желании ртуть попасть туда не могла, тем более при случайном выпадении термометра из старческих рук. Если это злодеяние, умышленное пролонгированное убийство хозяйки квартиры, то надо искать злодея, заводить уголовное дело по факту преднамеренного убийства.

Матрена догадалась, кто хотел отправить ее на тот свет, одно не ясно – на что они надеялись? Что не будет проведено вскрытие и установлена истинная причина смерти старого человека? Ключевое слово – старого! Старуха скончалась от старости, от изношенности всего организма.

Изношенный халат...

Матрена стояла на своем – выронила из рук термометр, термометр разбился, она и думать забыла о ртути, о ее опасных парах. Только собрала осколки, едва не порезалась...

Родственнички вели себя осторожно, сначала вообще в больнице не появлялись – раздумывали, пуститься в бега или понадеяться на прежнее к ним чувство тетеньки, на беззаветную любовь.

Их никто не беспокоил, тогда они решились проведать больную, которая медленно шла на поправку.

- Организм крепкий, как у молодой женщины, так что все с вашей тетушкой будет хорошо, - сообщил родственникам лечащий врач, чем весьма их «порадовал».

Родственники внезапно повеселели, возможно и искренне – кому же хочется терять свободу, получать уголовный срок за убийство. Скорее всего, что так – все-таки смерть Матрены Раковой могла повлечь за собой следственные

мероприятия, найти злодеев вовсе не проблема. Кто, кроме родственников, бывал в ее доме? Соседи? Так у них нет мотива.

Олимпиада и Леопольд решили, что впредь надо быть осторожнее, а пока... изображать вселенское счастье – тетка выжила, о чудо!..

В последствие часто попрекали тетку «крепким организмом, как у молодой».

- Не дождемся твоей смерти, чучело недоразвитое, всех нас переживешь.

И «чучело недоразвитое» продолжало жить назло врагам - самым близким родственникам, наследникам.

Но иногда задумывалась: а не наложить ли на себя руки? Устала, нет сил терпеть измывательства. Но нельзя, грех это...

Хотелось с кем-то поделиться своей бедой, открыться. Не с желанием наябедничать, чтобы посочувствовали, только и всего...

Один раз не выдержала и высказалась в присутствии Лео и Липы:

- У старых грехов длинные тени.

Что тут началось! Думала, Липа захлебнется своей слюной, а Лео искушает свои руки – боялся стукнуть тетку, вот и кусал до крови, чуть не истек кровью.

Тетка - дура старая - оказывала помощь, смазывала зеленкой, дула на рану, забинтовывала, по голове гладила – успокаивала. За что получила затрещину от племянницы и «доброе» слово: кто тебя просил?!

Никто. Никто не просил забывать о себе, заниматься двумя болезненными детьми, не спать ночами, хвататься за сердце от волнения, когда поздно возвращались домой, сумасшедше радоваться их успехам... Никто... Сама...

Однажды Липа так сильно ее толкнула, что она упала и почувствовала сильную боль в руке. Обошлось, всего лишь сильный ушиб, не перелом. Разве в ее возрасте можно ломать конечности, не сростутся ведь.

«Призналась», сама упала, ноги не держат, голова кружится.

Призналась знакомой врачухе, участковому терапевту и участливому человеку. Та в ответ обронила: «Ой, ли?» И приступила к осаде.

Долго беседовала с Матреной Тимофеевой, хотела вызвать на откровенность, Матрена ни в какую: все нормально, хорошо общаемся, живем, пусть на расстоянии, но душа в душу, часто меня навещают, гостинцы приносят, здоровьем интересуются. Часто перезваниваемся – волнуются дети

за меня. Всем бы таких заботливых детей. Живу и радуюсь за себя – вот повезло, так повезло. Своих не родила, и нисколько не жалею. Леопольда и Олимпиаду всегда считала своими. Может быть, со своими детьми была бы жестче, не позволяла того, чего позволяла племянникам. Но они платят добром за добро.

- Почему своих детей не родили? - напрямую спросила докторша.

- Не знаю, - недолго думая, ответила Матрена Тимофеевна. – Наверное, боялась вызвать у племянников ревность: начнут считать себя чужими, пристально наблюдать за отношением к родному ребенку, сравнивать. Свой-то точно был бы младше, требовал бы большего внимания, отсюда и ревность старших детей, отсюда и недопонимание. Обида даже. И комплексы. А комплексы из детства могут всю дальнейшую жизнь перековеркать.

- Получается, вы во всем оказались правы: дети замечательные, вас обожают, и все потому, что детские комплексы не развились? – задалась вопросом докторша, явно не поверила словам Раковой.

- Получается, так.

- Почему после посещений... ваших заботливых племянников у вас появляются ссадины, синяки или, вообще, растяжения конечностей? У вас есть... правдивое объяснение?

- Говорю же – голова чумная, кружится. Ударяюсь обо все углы.

- Давление в норме, сосуды головного мозга мы недавно проверяли, тоже в норме.

- Как у молодой, - усмехнулась старушка, приятная во всех отношениях дама.

- У вас в роду, наверное, были дворяне, вы такая благородная, ухоженная? - не удержалась от вопроса молодая докторша.

- Дворянские корни в прямом понимании этого слова, - заулыбалась Матрена Тимофеевна.

- ???

- Есть породистые собаки, есть беспородные – дворняги, так мы, Жвачкины, из дворняг. Все мои предки были крестьянами, работали от зари до зари, жили безбедно, по их понятиям, по деревенским. Раньше было так – кто много работает, тому Бог все дает. Это сейчас все иначе... Скажите тоже, дворянские корни...

Порывалась Матрена рассказать докторше о своей печали, но боялась навредить племянникам, своим детям. Сироты. Хоть и взрослые, а сироты: с кем останутся, когда ее не станет? Ведь перегрызут друг друга. Как бы лиха не наделали...

А она что, она пожила. И жизнь была хорошей: деток двое, любящий муж, бедность их миновала. Превратилась из деревенской девчонки в благородную даму. Да, привыкла ухаживать за собой. Вот и сейчас: и волосы подкрашивает – не седой же ходить! – и маникюр самостоятельно делает, ногти покрывает бледно-перламутровым лаком, даже с педикюром сама справляется, но один раз год, перед наступлением теплых дней, обязательно посещает салон красоты, чтобы ее ногами занялся профессионал. Подстригает ее соседка, девушка Катя, не за спасибо, хотя, от денег всегда отказывается. Но Матрена знает ее пристрастие к сладкому, за работу презентует ей коробку шоколадных конфет. Катя не отказывается.

Матрена Тимофеевна и сейчас, в пору давней пенсии и будучи вдовой, не считает копейки, еще и детям денежку подкидывает.

Когда совсем туго с деньгами, идет в скупку. Но долго перед этим раздумывает: хочет, чтобы детишкам что-то досталось после ее ухода, и чем больше, тем лучше, потому и экономит на том, на чем можно сэкономить.

При жизни не хочет отдавать детям всё, что нажито за долгую жизнь – не желает видеть, как они спустят все накопления за один день. Они могут – транжиры каких свет не видывал. Не будет ее, тогда пусть...

Поживет еще пока... Не руки же на себя накладывать, право слово... Грех это...

А не грех издеваться над старым человеком?! Не грех делать из него сумасшедшего – внушать, что выжил из ума?!

Липа как-то спрашивает:

- Ты что же это в кастрюлю с супом налила, придурашная? На поверхности плавают, очень на мыльные пузыри похоже.

- Дай, гляну, - подхватился Лео. – И точно, плавают что-то. Совсем сбрендил дура старая!

- Я... я ничего... не наливала. Сварила вермишелевый супчик на курином бульоне, хотела вас накормить, - пролепетала Матрена Тимофеевна. Как ни была обескуражена якобы своими провалами в памяти, своей рассеянностью,

своим недомыслием, но заметила взгляд Олимпиады, брошенный на средство для мытья посуды. Ах, вот в чем дело: сама плюхнула в кастрюлю с супом этой мыльной жидкости, не пригодной для употребления в пищу, и представила всё так, как будто тетка умом помешалась. А раз помешалась, то место ей в дурдоме. В дурдоме тетка быстро перестанет хорохориться, перестанет представлять из себя великосветскую даму, превратится в овощ бессловесный... Пора и честь знать – пожила, дай другим пожить...

Одно дело – превращать ее в чурбан безмозглый, другое – изображать заботу, от которой ноги протянешь.

Дело было так.

Как-то приболела Матрена Тимофеевна. Всё разом навалилось: и простуда, и давление подскочило, и суставы прямо выкручивает. И без того бессонницей мучается, а тут еще суставы. Когда перемещается по квартире, еще ничего, терпеть можно, а как только примет горизонтальное положение, так мочи нет терпеть.

Хотела пойти на прием к терапевту, но куда пойдешь – температура, не высокая, тридцать семь с хвостиком, но самочувствие хуже не придумаешь. К тому же непогода накрыла город, уж несколько дней бушует, не скажешь, что весна наступила. И снег с дождем, и сильный восточный ветер. Одним словом, не пошла в поликлинику, докторшу на дом вызвала.

Докторша пришла, поставила диагноз, выписала лекарства. Тонем, не терпящим возражений, заявила, что сама купит все лекарства в аптеке и занесет ближе к вечеру, когда у нее будет промежуток между приемом в поликлинике и посещением больных на дому. Матрена заспорила, причем нашла веский аргумент: лекарства нужны сию минуту. Позарез. Нашла причину, чтобы занятого человека не отвлекать от дел. Врачиха согласилась и призадумалась – как быть? Матрена сказала, что попросит соседку, Надежду Пикунову, сходить в аптеку, ей все равно забирать дочь из школы. На том и порешили.

Лекарства были доставлены, соседка отблагодарена, хотя, и наотрез отказывалась от небольшой суммы денег. Матрена Тимофеевна знала, что семья стеснена в средствах: женщина работает надомницей – какие-то украшения делает, мужа, Гришку, сократили на работе, он долго был в поиске нового места, наконец, нашел, но зарплата пока небольшая – он на испытательном сроке. И коммунальные платежи – мама не горюй! – квартира у них большой площади, от прадеда-профессора в наследство досталась.

Заниматься обменом не хотят: и место хорошее, рядом и детсад, и школа, и квартира отличная, планировка и все такое.

Ракова как могла помогала соседям. Когда девчушка, дочь Пикуновых, с редким именем Прасковья, была маленькой, всегда соглашалась с ней посидеть, пока родители в гости ходили или в кино, или просто погулять вдвоем. Напечет Матрена пирожков, опять же соседей угощает...

Подержала Матрена Тимофеевна лекарства в руках, повертела, нацепила очки, инструкции прочитала, да и запрятала подальше. Никогда не любила травиться химией. Помаялась от болей разного характера полдня, потом достала лист бумаги, где докторша все расписала – как и что принимать, внимательно изучила и из уважения к ней и к соседке, которую просила купить лекарства, выпила пару штук из разных упаковок.

Вечером забежала Олимпиада, тетка и не ожидала. Липа сообщила, что была неподалеку, зашла погреться, чаю попить. Здоровьем тетки не поинтересовалась, заметив пакет с лекарствами, лежащий на кухонном столе – Матрена не успела убрать. Липа без интереса принялась перебирать коробочки с лекарствами. В итоге выдала:

- Ничего твоя докторша не соображает. – Будто бы вскользь пробормотала, без всяких задних мыслей, но глаза засветились, как в детстве при получении очередного подарка.

- Ты очень много соображаешь, - не сдержалась от ехидного замечания тетка, нервно поглядывая на племянницу, явно замыслившую недоброе.

Липа так была поглощена работой мысли, что привычно не окрысилась, а пробубнила:

- Один курс медицинского все же закончила, успела и на втором курсе немного проучиться, кое-что не забыла.

- А могла бы стать... доктором. – Матрена хотела сказать – «хорошим», но вовремя сдержалась. Липа умела «хорошо» трепать нервы бывшим мужьям и «хорошо» издеваться над состарившейся родственницей... Если слово «хорошо» в данном случае уместно.

Олимпиада Перепелкина пропустила теткин фразу мимо ушей.

- Я сейчас скажу, как правильно принимать лекарственные препараты. В каком количестве, и в каком сочетании. И завтра ты будешь, как огурчик.

Матрена слегка обалдела от такой невиданной заботы. Но чаю племяшке налила, два бутерброда сварганила – один с колбасой, другой с сыром. Извинилась, что ничего существенного не приготовила, не ждала гостей, к тому же прихворала. У самой аппетита совсем нет.

А Липка между тем увлеченно готовила большую дозу лекарств для одновременного приема. Вскоре в блюдце лежало несколько таблеток разного диаметра и разного цвета.

- А это... не слишком? – обеспокоилась тетка.

- Пей, я тебе говорю! И никого не слушай! Меня слушай! А то ходят сюда... разные неумехи... Лечить не умеют, а туда же...

- Я разделю дозу на несколько приемов, не могу так сразу...

- Ничего делить не надо! – рявкнула Липа. «Попридержала коней» и с укоровой заметила, - о ней заботятся, а она кочевряжится!

- Спасибо за заботу, конечно, но я отложу прием лекарств на потом. Не хочу пить на голодный желудок.

- Это правильно. Сейчас мы с тобой чайку выпьем, после чаю примешь лекарство...

После чаю Матрена незаметно отправила горсть таблеток в карман халата, пока племянница копалась в мобильном телефоне. Олимпиада не заметила теткиной уловки и ушла с чувством выполненного долга.

Тетка закрыла за племянницей дверь и подумала: вдруг я не права по отношению к Липе? Вдруг зря ее подозреваю в злодействе? Вдруг она изменилась?.. Ладно, выпью таблетки на ночь. Сделаю, как она сказала.

Матрена выудила горсть таблеток из кармана халата, подумала и положила горстку на прикроватную тумбочку, рядом поставила стакан с водой. И отправилась в гостиную смотреть телевизор.

На одном из каналов повторяли утреннюю программу «о здоровье». Лечили людей на расстоянии на раз-два-три. Обычно Ракова подобные передачи не смотрит, а тут замерла с пультом в руках – палец уже приготовился пропустить этот канал, перейти на следующий. Заинтересовали слова старичка с козлиной бородкой.

Старичок вещал:

-...Значительное потребление лекарств престарелыми людьми приводит к неблагоприятному эффекту. Чем выше возраст, тем больше вероятность оказаться в реанимации и того хуже – возможен летальный исход. Даже если вы будете принимать один лекарственный препарат, он тоже может оказать сильное воздействие на организм, поскольку метаболизм у пожилых людей имеет свои особенности. Поэтому необходима тщательная дозировка, а прием лекарственных препаратов необходимо проводить под строгим надзором лечащего врача. Близкие люди тоже не должны оставаться в стороне. У пожилого человека уже плохая память, плохой слух, зрение, он не дослушал врача, недопонял, забыл, принимал лекарство или нет, поэтому допустимая дозировка может быть превышена вдвое, а то и втрое. Вместо того, чтобы принести пользу, лекарство принесет вред. В итоге от передозировки больной может быть признан жертвой старческого слабоумия и доставлен в больницу, где ему будут давать дополнительные лекарства для прояснения сознания, таких как, прохлоперазин. Не всем больным подобное лечение идет на пользу. Иногда лечение не просто неэффективно, но и грозит пациенту такими серьезными побочными эффектами, как медикаментозный паркинсонизм, ортостатическая гипотезия или спутанность сознания. Подводя итог нашей беседе, хочу напомнить: главное – правильная дозировка!

Старик с бородкой перешел к психологическим факторам, которые играют большую роль в продлении жизни. Матрена внимала, в итоге сделала свой вывод: если ты не носишься с болезнью, не потакаешь ей, восстаешь против нее, болезнь пугается и ретируется. Продолжительность жизни у таких людей гораздо выше, чем у тех, кто ведет себя смиренно, кто впадает в уныние и отчаяние. Если коротко – надеешься на успех, веришь в чудо, значит, ты победишь болезнь!..

Матрена решительным шагом направилась в спальню, сгребла в ладонь таблетки, и тем же решительным шагом отправилась в туалет. Таблетки благополучно поплыли по канализационной трубе.

После чего пожилая женщина вернулась в гостиную, поблагодарила доктора с бородкой за своевременную и очень полезную информацию, даже послала от нахлынувших чувств воздушный поцелуй, выключила телевизор и пошла спать. На удивление тотчас уснула, а наутро чувствовала себя совершенно здоровой...

Ближе к полудню позвонила Олимпиада и вкрадчиво поинтересовалась теткин здоровьем. Тетка на расстоянии поняла, что та напрягает слух, чтобы уловить в ее голосе малейшие изменения. Всем на зло тетка была бодр

и необычайно весела. Шутила, утверждала, что с помощью Липы стала на десять лет моложе. Не пора ли поискать себе вторую половину?! Почему бы и нет!

Липа не накричала, предложила привести хорошего врача, так сказать, для закрепления результата. Тетка ответила резким отказом.

После чего стала ждать новых завуалированных покушений на свою жизнь...

Олимпиада винила Матрену в своей неудавшейся личной жизни. Можно подумать, счастье напрямую зависит от материального благосостояния. Разбогатев, Липа могла купить себе мужа, купить его любовь. Надолго ли?

А Леопольд? Занял бы высокий чиновничий пост? Скакнул бы из низов в верхи с помощью волшебной палочки? А сам не пробовал что-то изменять в свой жизни? Кичится своим незаурядным умом. Да, Леопольд не глуп, но и не обладает гениальностью. Легче всего сидеть на месте, протирать штаны, всех охаивать, винить за умение распахивать соперников локтями. Надеется на случай: авось окажется в нужное время в нужном месте. Как говорится – на случай надейся, а сам не плошай.

Или – не имей сто рублей, а имей сто друзей. Пусть не сто, несколько друзей. Или одного, но верного и надежного, который поможет, подставит плечо, посоветует... Где там, Леопольду не нужны подсказчики-советчики, никто ему не ровня.

Лео – одинокий волк, вожак без стаи. Вожаком сам себя назначил, референдум не проводил – не с кем. Живет среди людей, а как будто бы один на всем белом свете. Закрыт за все замки-молнии. А все почему? Потому что высока самооценка, боится разочароваться, когда ему рубанут в лицо правду-матку. Лучше отгородиться, чтобы никто не достучался, не докричался, авось так и проживешь за высоким забором без разочарований и вместе со своей уверенностью – ты лучший? Не преуспел? Так это тетка-сволочь виновата! Вот не станет ее, избавятся от нее, освободят путь к светлому будущему, наконец-то, вот тогда-то все наладится...

Матрена Тимофеевна все понимает: и то, что вся вина на ней, как на человеке, который был рядом, возглавлял процесс воспитания; и то, что с ее уходом им, детишкам, станет не лучше, станет хуже: сейчас лелеют мечту, а с теткинским уходом мечта рано или поздно превратится в прах.

Или она ошибается? Ей хочется так думать?

А уходить не хочется.

Еще не дряхлая старуха, не развалила. Хронические заболевания есть, как без них, но не смертельные.

Матрена боялась... нет, не смерти, боялась затяжного процесса ухода, мучений своих и детей, из-за нее.

Сейчас Матрена Тимофеевна старается не досаждать своим присутствием, лишней раз старается не напоминать о себе. И то вызывает раздражение.

Или покончить со всем разом? Оставить детей наедине со своим мечтами, реализация которых напрямую зависит от старухи, которая старухой-то и не выглядит. Маленькая, худенькая, спинку еще держит, пусть и с трудом.

Нельзя покончить разом. Грех.

Или не грех вовсе, если хочешь человеку помочь, услугу оказать, дорогу расчистить к светлому будущему... А там пусть живут как хотят... Как будут развиваться события Матрена никогда не узнает...

Надо всё взвесить. Смотри с какой стороны посмотреть на самоубийство: если твое прозябание, как считают близкие, пагубно отражается на их жизни, то надо бы ускорить процесс ухода, взять в свои руки.

Надо! Липа уже перестает себя контролировать, не ровен час «окажется на нарах за убийство», так выразился Леопольд прямо при тетке, нисколько не стесняясь. Уже его пугает неуравновешенность сестры.

Матрена Ракова, в девичестве Жвачкина, представила дочь-племянницу «на нарах», совсем загрустила и приняла единственное верное решение – умереть по собственной инициативе. Всем будет легче. Кроме самой Матрены. Она, как человек верующий, считала самоубийство большим грехом.

Делать нечего... Так она и поступит.

Необходимо заранее заготовить предсмертную записку, чтобы у следователей не появилось подозрение в причастности детей к ее смерти: у людей есть глаза и уши, следствие начнется, вытянуть на свет грязное белье, до сей поры тщательно припрятанное...

Весь день Матрена Ракова обдумывала текст предсмертной записки. Несколько раз набрасывала черновик, и несколько раз рвала лист бумаги на мелкие кусочки.

Поздно вечером легла в кровать, и уже, засыпая, в голову пришла гениальная мысль.

Некоторые соседи, давно проживающие с семьей Раковых в одном доме, осведомлены о прошлой жизни, догадываются о страданиях вдовы. Для старожилков не секрет, что супруги Раковы любили друг друга. Первое, что придет им на ум после ее ухода - Матрена Тимофеевна очень тосковала по мужу, не могла смириться с его смертью. Скрытная в других вопросах Матрена часто вспоминала супруга. И пришло время, когда тоска по нему достигла критической точки, пожилая женщина лишила себя жизни, чтобы встретиться на том свете с любимым человеком.

Не откладывая дела в долгий ящик, Матрена поднялась с постели и босыми ногами пошлепала по полу в сторону кухни, где на столе были разложены письменные принадлежности. Сегодня кухня превратилась в кабинет писателя – Матрена сочиняла прощальное письмо.

Через пятнадцать минут работа над предсмертной запиской была завершена. Матрена Тимофеевна спрятала записку в выдвижной ящик стола, где хранились всякие кухонные мелочи, редко используемые. Пусть записка ждет своего часа. На душе стало легко, ведь половина дела сделана, обратного пути нет. Конечно, уничтожить лист бумаги можно за две секунды – раз и готово, но Матрена не будет ничего уничтожать. Ее предсмертная записка – это защита племянников. Даже в случае убийства, пусть все выглядит как самоубийство. Это сейчас племянники думают, что убить старуху – все равно что комара прихлопнуть. Что делать с муками совести? Не совсем они пропащие люди, опомнятся, да поздно будет.

Свобода не всегда свобода. Кто искренен, тот свободен. У кого совесть чиста, тот свободен.

Зависимость, страх, боязнь – не позволяют наслаждаться жизнью в полной мере. Ты чувствуешь себя в западне. Чем дальше, тем сильнее загоняешь себя в угол, оказываешься в карцере. Ты сам, своим поведением, выбрал строгую изоляцию.

Матрена жалела племянников, единственное, что могла для них сделать – это уйти самостоятельно. И тянуть с этим нельзя. Она где-то слышала, что

можно установить «старость» записки, если она написана не позднее года. При этом вероятность точного попадания плюс-минус один день. Всего-то.

Человек не может себя убить, спустя несколько месяцев после принятия решения. Значит, ЭТО должно произойти уже завтра.

Завтра – не сегодня. Сегодня она примет снотворное, чтобы выспаться и не мучиться сомнениями.

Матрена добралась до коробки с лекарствами, пошелестела, да и закрыла, вспомнив старичка с бородкой, который отбил у нее всякую охоту принимать даже безобидные таблетки. Прежде чем отправится в спальню, бросила взгляд за окно. Горд спал, но кое-где светились глазницы окон.

Опять в голову полезли воспоминания. Как она бродила ночами по квартире с маленькой Липой на руках, пела ей песенки...

Матрена с силой тряхнула головой и чуть не упала – голова закружилась. Схватила руками за подоконник, и стояла так до тех пор, пока уличный фонарь на бетонном столбе, не способный раскачиваться по определению, перестал раскачиваться, а его свет расплываться, как при сильном тумане. Никакого тумана не было, ночное небо освещали арбузная скибка луны и немногочисленные звезды, крупные, как инопланетные корабли.

Когда состояние здоровья мало-помалу вернулось в старческую норму, Матрена Ракова удивленно протянула, глядя во двор:

- А это что такое?

Скрюченная фигура сидела на деревянной полочке низкого заборчика, огораживающего детскую песочницу, боком к окну Раковой. Фигура не шевелилась. Так, по крайней мере, показалось Матрене. Освещение во дворе было нормальным - несколько уличных фонарей вдоль проезжей части, но песочница находилась в стороне от большого, растянутого, пятна света. Затемнением пространства вокруг песочницы пользовалась местная молодежь, которая дала честное пионерское матерям детишек, что «не будут плевать в песок и бросать в него окурки». Спиртным местная молодежь не баловалась, предпочитала петь под гитару. Жители близлежащих домов смирились с пением – все-таки не пьют и не ругаются, всего лишь поют. И заканчивают песнопения не позже одиннадцати.

Судя по времени на часах, наступил новый день.

Последний день в жизни Раковой.

Матрена могла забыть о неподвижной одинокой фигуре, и уже собралась забыть – не до того, но поняла, что обязана прояснить ситуацию: пойти во двор и разобраться, кто там сидит и почему сидит. Если Матрена ошиблась – это вовсе не человек, а груда какого-то тряпья (потому и не шевелится), она спокойно развернется и уйдет. Устроится на кровати и спокойно уснет. Или будет просто лежать и думать, подводить итоги.

Матрена засеменила в прихожую, вытащила из шкафа зимний пуховик с капюшоном – первое, что попало на глаза (влезла не в ту половину шкафа), провернула ключом в замочной скважине и едва не вышла в подъезд босой. Опомнилась и сунула ноги в мужские тапки, тапки Леопольда, которые он обувал по приходу. Мотя решила – не беда, подошва у тапок резиновая, вернется, тщательно вымоет, делов-то...

Не дойдя нескольких метров до песочницы, Матрена уже догадалась, что перед ней сидит старушка. Сидит и смотрит в одну точку.

Матрена нарочно закашляла – предупредила о своем появлении. Старушка никак не отреагировала. Матрена встала перед ней, заслонив собой размытый свет фонарей. Старушка по-прежнему ничего и никого не замечала. Тогда Матрена осторожно, чтобы не напугать, тронула ее за плечо. Даже через теплое пальто, тоже не совсем по сезону, как у самой Моти, поняла, что старушка «выходец из концентрационного лагеря» - худющая, святые мощи.

От легкого прикосновения старушка едва не завалилась в песочницу, Матрена не позволила завалиться, придержала за плечи.

- Ты кто? – опомнилась ночная незнакомка на удивление бодрым голосом.

- Матреной меня зовут. А вас?

- Изольда Венедиктовна Лунева. Не слышала?

- Нет. А должна была?

- Конечно, когда-то я была известной личностью. Не в СССРе, в нашем городе. Прямой была в нашем драмтеатре.

- Что-то припоминаю, - соврала Ракова, посещавшая театральные премьеры редко, лишь для того, чтобы показать новое платье и украшения к нему. Платья покупались часто, как и украшения, однако завзятой театралкой Мотя так и не стала, тем более, дети требовали постоянного внимания.

Дети выросли, в театры они стали ходить вчетвером. Старалась приобщить детей к искусству. Но детского терпения хватало на первый акт, до антракта. После перекуса в буфете – это обязательно – они покидали в театр.

Матрена давно позабыла фамилии театральных знаменитостей. Если, вообще, знала.

Но теперь «признала» приму, даже изобразила счастливое удивление и задала вполне резонный, для этих обстоятельств, вопрос:

- Какими судьбами к нам? - Замешкалась и всплеснула руками – якобы изобразила восторг от неожиданной, но лелеяной многими десятилетиями, радости от встречи.

- Да, вот сижу, - с недовольством высказалась экс-прима.

- И давно сидите?

- Уж не упомню. Но судя по замерших ногам, порядком.

- Почему домой не идете?

- А не хочу! – с вызовом ответила старушка.

Матрена вспомнила Липу: в школьные времена та отказывалась садиться за уроки. Мотя спрашивала: «Почему». И Липа, так же как эта прима, «доходчиво» отвечала: «Не хочу!» Еще добавляла «И точка!», чтобы пресечь все уговоры. Но уговоры продолжались. В итоге «пластилиновая» тетка-воспитательница шла на уступки: чем-то подкупала или делала уроки за племянницу. Если уроки были не выучены, племянница отказывалась идти в школу. Тетка писала классному руководителю объяснительные записки с изложением «уважительной» причины, не позволившей Олимпиаде Жвачкиной явиться вчера в школу. Увы, научилась лгать...

- И что вы, Изольда Венедиктовна, намерена делать дальше? – проникновенным голосом, голосом, полным искреннего участия, поинтересовалась Ракова.

- А тебе-то что? – дерзко высказалась прима. – Иди, куда шла! – И махнула рукой, будто бы указала нужный путь.

- Я не могу оставить вас здесь одну. – Матрена раскинула руки и покрутилась вокруг своей оси.

Новая знакомая оценила ее недолгий «танец» снисходительным кивком головы, после чего показательно отвернулась, мол, иди, куда шла, не мешай людям наслаждаться одиночеством.

Матрена Ракова стряхнула ладонью невидимый в темноте, но ощущаемый песок с ограждения песочницы, и пристроилась рядом с Изольдой, тронув ее за костлявый локоть, успев при этом удивиться: как этот локоть не проделал дыру в рукаве пальто, уж слишком острый.

- Как вы питаетесь? – без надежды на успех – на получение правдивого ответа – спросила она заботливо.

Изольда повернулась к ней всем корпусом, хотела ответить что-то в привычной своей посылательной манере, но неожиданно брякнула:

- Уж не помню, когда в последний раз ела. – Повысила голос и требовательно изъявила желание подкрепиться. Хоть чем-нибудь.

- Я сейчас... вынесу... У меня...

- Я что тебе, собака беспородная, чтобы меня на улице подкармливать, - перебила Мотю Изольда.

Привставшая со своего места Мотя тут же села обратно, и выдохнула:

- Конечно, конечно, я не подумала, простите меня...

- Одна живешь?

- Одна.

- Это хорошо. Если пригласишь в гости, я не стану отказываться от приглашения. Так как?

- Я... приглашаю.

- Не слышу радости в голосе, - хмыкнула Лунева. – Я ведь не напрашиваюсь, могу и здесь посидеть. Умру голодной смертью, ты будешь виновата, - не на шутку пригрозила она.

Матрена Ракова заподозрила неладное. Мелькнула догадка: а не проделки ли это милых родственничков, нанявший актрису на пенсии для исполнения некой роли. Актриса как появилась, так исчезнет, незаметно для соседей, а после ее ухода в квартире обнаружат бездыханное тело хозяйки... Все шито-крыто... Черт, как назло успела написать предсмертную записку. А не этого ли ты добивалась?..

Но родственнички не знают о записке, даже не догадываются. Их очень злит желание тетки – дуры старой – задержаться на этом свете подольше.

- Хорошие люди умирают, а эта... - однажды высказалась Липа.

- И не говори, сестра, - поддержал ее брат. – Что, чучело крашеное, собираешься жить до ста лет?!

- Сколько мне отведено, столько и буду жить, - спокойно возразила Матрена Тимофеевна... Хотя, могла и не отвечать: обращение адресовано не ей, пожилой ухоженной женщине, а некому чучелу крашеному...

Ракова отогнала мысли об участии родственников в ее встрече с экс-примой драмтеатра. Но раз догадка мелькнула, засела, то как не гони, будет цепляться и напоминать.

Матрена, а чего ты испугалась? – мысленно задалась она вопросом, пристально изучая новую знакомую, которая нервно куталась в свое теплое пальтецо и исподтишка кося на нее глазом, видимо, ожидая настойчивых уговоров. – Тебе не пугаться надо, а радоваться – за тобой смерть пришла в лице этой примы. Не надо ломать голову, как безболезненно уйти. Все придумано за тебя. Скажи спасибо и смиришься...

Племянники знают, что тетка страдает бессонницей, ночи напролет читает книги, читанные по сто тысяч раз. Когда устает от чтения, блуждает привидением по квартире, чай пьет, думы думает, сидит у окна.

Присядет тетка у окна и увидит несчастного одинокого человека. Сжалится. Как не сжалится, если у нее в крови всех жалеть.

Пригласит человека в гости, а потом... человек ответит ей «благодарностью». Не впервой ей подобные «благодарности» получать. Наверное, заслужила.

Ну, и ладно, - смирилась Матрена и неожиданно повеселела: все-таки не придется накладывать на себя руки. Пусть все выглядит, как самоубийство. Уже и предсмертная записка припасена, в ящичке лежит, дожидается своего часа.

Но там, наверху, будут знать, что не сама, что при чужом участии. И она будет знать. Совесть чиста. Не замарается напоследок.

- Изольда Венедиктовна, я буду рада видеть вас у себя в гостях, - торжественно произнесла Ракова и шепотом добавила. – А там будь, что будет...

Кто сказал, что рукописи не горят?! Горят. Взять «Мертвые души», второй том. Увы, уничтожен огнем, не без участия автора. Мы так никогда и не узнаем, что случилось с главными героями далее... Эх, Гоголь, Гоголь... Великий писатель... Зачем же ты так поступил со своим детищем?!

Что уж говорить о простых смертных с их объяснительно-прощальными записками....

Рукописи горят... И объяснительно-прощальные записки исчезают в огне бесследно...

В четыре тридцать утра ... марта... года в квартире жилого дома №... по улице... произошло возгорание. После тушения пожара спасатели обнаружили в квартире сильно обгоревший труп женщины. По данному факту проводится доследственная проверка, по ее результатам будет принято процессуальное решение. На данный момент завершен осмотр места происшествия. Тело отправлено в морг для установления причины смерти.

Как сообщил представитель СУ СК РФ по ... области, в квартире, где произошло возгорание, проживала пожилая женщина...

- Ночью, где-то часа в три, в нашем доме отключили электричество, - рассказывал следователю пожилой, но еще бравый мужик, явно бывший военный. – Я пошел в туалет... извините... клацнул выключателем, и ничего... Темнота, хоть глаз выколи. Сделал... извините свои дела... в крошечной тьме, и вышел на балкон, чтобы определить: только в нашем доме нет света или во всем микрорайоне? Если во всем микрорайоне, то это ничего, это лучше, чем в одном нашем доме, значит, быстро починят, в смысле, быстро неполадки с электричеством устранят, и к утру точно будет свет.

- А как бы вы определили, что произошла авария во всем микрорайоне, если по ночам все люди спят и свет не зажигают? – заинтересовался следователь.

Бравый мужик презрительно фыркнул – выказал негативное отношение к следователю-молокососу, который не понимает элементарных вещей. Все про него понял с одного заданного вопроса. Сказано - молокосос! И как таких в следственных комитетах держат!

- Как, как, так бы и определил, тебя не спросил, - пробурчал мужик еле слышно, придержал эмоции и ответил по всей форме, - по ночам свет в подъездах горит, на всех лестничных клетках.

- Значит, вы вышли на балкон, поняли, что света нет нигде, не только в вашем доме, успокоились и отправились досыпать, - придирчиво проговорил следователь, проведший ночь без сна – всю ночь кричал двухмесячный ребенок. Людей, страдающих бессонницей, он не понимал. Ему бы... сейчас... придавить на ухо часиков так на ... надцать. От постоянного недосыпа в голове шумело так, как будто там постоянно ветер гулял. Ветер гулял с тех самых пор, как сынишку привезли из роддома. С трудом подавив зевок, повторил, потому как мужик смотрел него глазами коровы, которой предложили полакомиться шпротами: с укоризной и отвращением, - так что, гражданин, отправились досыпать и больше ничего странного не заметили? Вам нечего добавить?

- Отправился досыпать – на дворе ночь, но перед этим заметил в этой квартире, ну, в той, что выгорела дотла, огонек свечи. Свеча там горела, понимаешь... понимаете, - поправился наблюдательный мужчина, самовыдвиженец в главные свидетели.

- Понимаю, - кивнул головой следователь и все-таки зевнул. – Получается, что в районе трех часов ночи из дома, расположенного напротив, вы увидели горящую свечу на кухне, где после произошло возгорание.

- Самого возгорания я не увидел, не было его, только свеча. Если бы я увидел языки пламени, то тут же вызвал пожарников. Возможно, хозяйка квартиры осталась бы жива.... Я ее знал... Не то, чтобы знал, но часто встречался, здоровался. Поговаривали, что ей за семьдесят, но я бы больше шестидесяти не дал. Хрупкая-стройная, как девочка... Приятная во всех отношениях дама. Очень симпатичная. Но мне показалось, несчастная.

- Она по мужу тосковала, - вздохнула крупная тетка в цветастом посадском платке, наброшенном на плечи. – Очень она мужа любила. И он ее любил. Много лет вместе прожили, всегда вместе, всегда под ручку... Я живу этажом ниже, но не под Матреной Тимофеевной. И сразу вам скажу, ничего подозрительного ночью не слышала. Света от свечи тоже не видела. Во-первых, при всем желании бы не увидела. А во-вторых, по ночам я сплю... Не то, что некоторые! – И выразительно хмыкнула в адрес бравого мужчины, причем хмыкнула кокетливо, еще и плечиком повела.

- Что за народ - бабы, не могут, чтобы не съязвить! – прорычал мужик беззлобно, еще и ус указательным пальцем подправил – показал, что еще вполне себе ничего, орел!

Женщина хотела продолжить игру словами-намеками, но о себе напомнил покашливанием молодой следователь.

- У вас еще есть, что добавить к сказанному? - сурово спросил он, с трудом борясь с зевотой.

- Скажу все, что знаю, - заспешила женщина в посадском платке. – У Матрены Раковой было двое племянников... были и есть, самой Матрены уже нет... А она точно сгорела? Не было шансов... как-то спастись? – со слезой в голосе поинтересовалась она.

- На месте пожара после тушения обнаружен труп человека, по всей видимости, хозяйки квартиры, - сухим официальным голосом проговорил следователь. – Что послужило причиной смерти, будем разбираться. Так что там с племянниками?

- А ничего! – дерзко заявила тетка в платке, заметив выразительный взгляд бравого мужчины. Взгляд отчетливо давал понять, что сплетничать в присутствии человека из органов не стоит. – К слову пришлось. Матрена Тимофеевна, вообще-то, одна в квартире проживала, племянники к ней часто наведывались. С гостинцами. Никакой ругани я никогда не слышала. Всё тихо-мирно.

- Будем разбираться, - повторился следователь, поглядывая не на тетку в платке, а на мужчину, который вел себя подозрительно. Но к делу его подозрительное поведение не имело отношения – мужик оказался бабником, любил приударить за женским полом. Так решил следователь-молокосос, мечтающий о сне продолжительностью в двадцать четыре часа.

- Вы разберетесь, знаем мы вас! – вклинилась в разговор женщина средних лет. Несмотря на взрослый возраст, на женщине красовались драные джинсы и футболка белого цвета с нарисованными на ней ярко-красными губами, явно силиконовыми.

Следователь воззрился на грудь... в смысле на майку с губами и задумался, когда последний раз у него был секс с женой? Уж и не вспомнит...

- У вас есть, что сказать следствию? - рассвирепел следователь. Злость вызвали не брошенные слова дамы «с губами», а несчастная жизнь,

заполненная работой, плачем младенца, грязными подгузниками... И никакого секса.

- Есть! - взвилась дама. – Почему мой сосед Веретенников ставит свою машину на мое законное место?! Вы можете ответить мне на этот вопрос?

- Гражданка, спросите у самого Веретенникова, - устало заметил следователь.
– По существу дела вам есть что сказать?

- По существу дела - нет, но...

- Все! Довольно! Я вас больше не задерживаю! Граждане, кому нечего сказать, расходитесь по своим квартирам!

Народ потоптался и начал растекаться по всем сторонам. Осталась одна девчушка лет семи, которая с интересом разглядывала дядю следователя, смачно откусывая от большого краснобокого яблока. Глядя на нее, следователь повеселел. Подумал, что скоро и его ребенок подрастет, перестанет плакать, а его отец отоспится за все месяцы недосыпа.

- Как дела? – с задором спросил он у девчушки.

- Как сажа бела, – деловито доложила та.

- Это где ж ты таких слов нахваталась?

- Не нахваталась, а услышала. Так взрослые говорили.

- Как тебя зовут?

- Прасковья.

- Девушка Прасковья из Подмосковья, - не сдержался мужчина.

- А будто бы умный с виду, - охарактеризовала его Прасковья.

- И не с виду тоже умный, - ухмыльнулся следователь.

- А баба Мотя, что в огне погибла, на пальце всегда носила колечко. Никогда его не снимала, сама мне говорила. Я просила померить, а она говорит – нельзя. Оно... об-ру-чаль-ное.

- Не снималось колечко? – Следователю доложили, что на безымянном пальце левой руки трупа имелось кольцо. Эксперт упаковал кольцо, теперь кольцо будет предъявлено родным покойной для опознания.

- Я не знаю. Но мне кажется, - заговорщицки понизила голос Прасковья, - что баба Мотя не хотела мне давать свое кольцо.

- Почему же? – ухмыльнулся следователь деловитости девчушки.
- Предрассудки тому виной, - вздохнула девочка и сообщила уже радостно, - я сегодня в школу не пошла! Мне мама разрешила, в связи с ночными событиями. Она так и сказала учительнице по телефону: «В связи с ночными событиями, пожаром то есть, Прасковья сегодня пропустит уроки». Нам ведь пришлось... эку... экуироваться...
- Эвакуироваться.
- Точно, эва-куи-ро-вать-ся... ночью, когда пожарные приехали. Хорошо, успели вовремя потушить. Весь дом не запылал. У бабы Моты только кухня сильно выгорела, а комнаты... не очень. Спасли квартиру. Теперь ремонт потребуется, но не так чтобы большой, с кухней, конечно, придется повозиться. Если бы баба Мотя в комнате была, спаслась бы. Как думаете, спаслась?
- Думаю, да.
- Жалко ее, хорошая была баба Мотя, добрая, - приуныла девчушка. - Меня всегда всякими вкусностями угощала. Я любила у нее гостить.
- Часто гостила?
- Не очень. Мама не любит оставлять меня у чужих людей, но иногда приходится. Когда необходимость возникнет... - продолжала обезьянничать Прасковья, делая паузы для укуса и пережевывания яблока. - Теперь, наверное, в квартиру бабы Моти въедут ее племянники... Сначала сделают ремонт в кухне, комнаты приведут в порядок и въедут... Баба Шура сказала: «Дождались». Это она о племянниках бабы Моти так сказала. Их здесь никто не любит. Может быть, передумают переезжать... Я бы не стала... Все-таки был пожар... Баба Мотя погибла.
- Побоялась бы?
- И что здесь такого?! – вспыхнула Прасковья. – Я еще маленькая... Ну, не совсем маленькая, но и не взрослая. Так что имею право бояться...- Девочка повертела головой, как будто собиралась в чем-то признаться следователю с хитрыми глазами и не хотела делать свое признание при свидетелях. – Вот вы, например, боитесь покойников? – спросила она, округлив глаза до невероятных размеров.
- Я точно не боюсь.

- Везет же, - протянула Прасковья, сложив губы в трубочку. – Но я тоже не буду бояться, когда вырасту. Правда ведь?

- Конечно, - уверенно подтвердил следователь. – А ты, случайно, посторонних людей здесь не видела? Вижу, ты девочка наблюдательная, сообразительная, потому и спрашиваю.

Девочка призадумалась, при этом внимательно изучала огрызок – выискивала, куда бы еще приложиться зубами, не нашла и зафинтилила огрызок в куст сирени с набухшими почками. Отряхнула ладони и с важным видом произнесла:

- Надо подумать.

Пока она думала, подросла ее мать, соседка погибшей Матрены Раковой, Надежда Пикунова.

- Кто вам позволил допрашивать малолетнего ребенка?! – возмутилась она. – Насколько мне известно, полагается беседовать с детьми в присутствии их родителей.

- Что вы, я не допрашиваю вашего ребенка. Мы просто разговариваем на отвлеченные темы. Больно мне ваша девочка понравилась. Умненькая не по годам, - похвалил мужчина чужого ребенка – задобрил мать.

- Чересчур умная, иной раз и не знаешь, где искать ответы на ее вопросы. И слух сто двадцать процентов – все слышит, все запоминает.

- И в кого я такая уродилась?! – всплеснула руками Прасковья.

- Если у вас к нам нет больше вопросов, то мы пойдем, - сказала Надежда и взяла дочь за руку.

- Всего один вопрос... Вы не видели здесь посторонних?

- Нет... как будто... А вы думаете, что Матрену Тимофеевну... у...убили?

- Ведется доследственная проверка. Если будет установлено, что смерть Раковой носит криминальный характер, то будет проводится расследование по всей форме.

- Племянников бабы Моти я давно не видела, - задумчиво пробормотала Надежда. – Ну, как давно... На прошлой неделе Олимпиада приходила к тетке. Мимо меня прошла, нос задравши, все как обычно, даже не поздоровалась. А когда ей что-то нужно от меня, то сразу вспоминает - и как зовут, и где живу...

- А с какой просьбой к вам обращалась Олимпиада Ефремовна Перепелкина?
- Она хотела, чтобы я подтвердила, что Матрена Тимофеевна... не в себе. Хотела в психушку ее запрятать. И ей, и ее братцу не давали покоя квадратные метры тетушки. У обоих свои квартиры имеются, по углам не мыкаются, а вот, глядишь ты, еще и теткину квартиру подавай. – Надя понизила голос, - у Матрены и золотишко водилось, и брюлики с изумрудами-рубинами. Богатая была старушка. Всё хранила дома. В сейфе. Там же, в сейфе и список драгоценностей находился, чтобы в случае чего... удостоверились, так сказать, в... сохранности.
- Ракова сама вам об этом рассказывала?
- Сама, конечно. Мы были с ней в хороших отношениях. Баба Мотя только с нами и общалась, с другими - на ходу. Замкнутая она была. Прасковью мою очень любила. Как свою внучку. Ей-то Бог ни детей, ни внуков не дал. Племянников воспитывала. Их мать рано умерла, отец постоянно был занят, а потом, вообще, погиб. Матрена оформила над племянниками опеку.
- А шифр сейфа вам, случайно, неизвестен?
- Конечно, неизвестен! С чего бы вдруг он мне был известен?! – вспылила Надежда.
- Не бери нас на понт, мусор, - деловито произнесла Прасковья, нахмутив брови.
- Мать и следователь открыли рты от удивления. Первой опомнилась мать:
- Откуда такие глубокие познания из тюремного жаргона? – настойчиво поинтересовалась она ровным голосом, что далось ей с большим трудом.
- На днях смотрела твой любимый фильм по телевизору, - был дан ответ.
- Это какой же? – хмыкнул следователь.
- Про Жиглова и Шарапова.
- Это «Место встречи...»? – спросила мать.
- Да. Там... эта... Манька Облигация так говорила... Я не поняла, как правильно: Облигация или Аблигация.
- О! – вставил следователь.

- Код от сейфа есть в бумагах, которые находятся у адвоката Раковой, - вспомнила Надя Пикунова. – Там и завещание, и что-то еще... По завещанию все имущество отходит племянникам.

- Проверим...

Как только следователь отошел от матери и дочери Пикуновых, к ним сразу поспешил бравый мужик, бывший военный, чтобы узнать последние новости. Сначала Надя не хотела передавать разговор со следователем, но потом вспомнила, как мужчина ходил кругами вокруг Матрены Тимофеевны, поняла, что у него не праздный интерес, и разоткровенничалась.

- А вы как считаете, произошел несчастный случай или Матрене Тимофеевне... помогли? - спросила Надежда Пикунова, завершив короткий рассказ.

- Думаю, несчастный случай.

- Но раз она была на кухне, то не спала, занималась какими-то хозяйственными делами, заметив возгорание, обязана была сразу отреагировать: бежать к соседям, звонить в пожарную часть. А она? Сидела и ждала смерти?.. Или она уже была мертва? Или в бессознательном состоянии? Допустим, у Матрены случился инфаркт, - принялась рассуждать женщина, - она не могла ни на помощь позвать, ничего не могла сделать, только смотреть, как пламя заглатывает шторы, мебель... Ужас... Получается, она заживо сгорела?

- Ужас, - хлюпнула носом ее дочь Прасковья. – Мам, как же так? Мы спали и ничего не слышали?

- Да, доченька, мы проспали нашу Матрену. Мы виноваты.

- Не кляните себя, - вздохнул бравый мужчина. – Не вы одни не пришли на помощь бедной женщине...

Заключение.

На городском кладбище возле двух захоронений: давнее - с памятником и свежий холмик земли с пожухшими цветами, стояла пожилая женщина и немигающим взглядом смотрела на фотографию мужчины на памятнике.

- Прости меня, мой дорогой, - шептала она. – Ты меня ждешь, а я все не иду и не иду...Я не спешу к тебе, хотя и скучаю. Очень скучаю... Но не так, как раньше.

Так получилось. Раз мне суждено было выжить и встретить другого мужчину, так тому и быть... Он очень мне помог... Если бы не он, то не знаю, что было бы со мной дальше...

В стороне стоял пожилой мужчина и старательно делал вид, что общение женщины с мужчиной на фотографии его не касается. Какой он ему соперник: его давно нет на этом свете... И все равно соперник...

Все-таки не выдержал. Подошел к женщине, обнял за плечи и трогательным голосом сказал:

- Нам пора. Поезд ждать не будет.

Женщина никак не отреагировала на его слова. Теперь ее внимание было сосредоточено на фотографии женщины, пристроенной среди венков с искусственными цветами и искривленных цветочных мумий.

- Хорошая фотография, я на ней неплохо получилась.

- Отлично. Тебе здесь сколько лет?

- Пятьдесят пять.

- Ты очень молодо выглядишь, Матрена. И на фотографии, и сейчас.

- Забудь о Матрене. Я Матильда, раз и навсегда. Матильда Тимофеевна Ракова. Однажды в голове что-то щелкнуло – не захотела быть Матреной. Такая интеллигентная с виду дама, а Матрена. Эта фотография как раз сделана для нового паспорта. Прошло лет десять, чуть больше, как я потеряла паспорт с новым именем. Обратилась в паспортный стол, написала заявление. И решила – раз все так случилось, верну себе имя, данное мне при рождении. Все равно все близкие и знакомые называли меня прежним именем... Вот скажи, что за блажь – назваться Матильдой? Нарочно не придумаешь!

- И ты получила новый паспорт с прежним именем Матрена?

- Получила, а через некоторое время нашла якобы утерянный с именем Матильда. Хотела отнести и сдать, а потом что-то меня остановило... А когда... всё это случилось, у меня в голове помутилось, я не знала, что мне делать, куда бежать. Я металась по квартире с старым фонариком в руках – к тому времени свет уже погас, что-то искала в ящиках, сама не знаю что, заглянула в сейф, и тут мне под руку попался тот самый паспорт, якобы утерянный. Будто бы специально. Я взяла только паспорт, больше ничего не стала брать с собой, и выбежала из квартиры, как была, в халате и тапочках на босу ногу... Я очень испугалась, думала, что меня обвинят в... ее смерти.

- Ее никто не убивал, как установила экспертиза – эта актриса скончалась от остановки сердца.

- Но ничего не предвещало ее смерти. Сидела, пила чай с булочками, вспоминала свою бурную молодость, и вдруг... конец. Я решила – что племянники специально всё подстроили: актриса должна была умереть у меня в гостях, они все рассчитали, заранее накормили ее ядом пролонгированного действия. И кто докажет мою невиновность? Кому я нужна? Меня будут судить, приговорят к длительному сроку заключения... Я бы не пережила такого позора...

- Ма...тильда, никто бы тебя не осудил... Но я нисколько не жалею, что все вышло так, как вышло.

- Наверное, когда я выбегала из квартиры, порывом ветра набросило портьеру горящую свечу. Портьера загорелась, потом вся кухня вспыхнула...

- Я увидел тебя, такую жалкую, такую несчастную, на крыльце твоего подъезда. Ты стояла и вертела головой по сторонам, не зная, в какую сторону тебе идти.

- И вышел ко мне...

- Не просто вышел, выбежал. И понял всё без лишних слов. Поднял голову вверх и заметил, как языки пламени «лижут» портьеру. Идея твоего спасения родилась мгновенно. Я снял с твоего пальца колечко и бросился наверх, в твою квартиру. Кухня еще не была охвачена огнем полностью. Я поверил твоим словам, но все-таки захотел убедиться, что женщина мертва. Убедился, что мертва, что огонь не усугубит ситуацию, быстро надел ей на палец твое кольцо и покинул квартиру... Ты... ни о чем... не жалеешь?

- Ни о чем, - делая паузы, ответила Матильда Ракова. - Если мои племянники были одержимы идеей моей смерти, то они бы никогда не остановились на полпути... Иногда надо умереть, чтобы жить дальше... И признаюсь тебе честно – я будто помолодела. Мне опять пятьдесят пять.

Мужчина и женщина помолчали. Он смотрел на небо с плывущими облачками, она - на холмик земли, под которым покоилась бывшая актриса.

- Хорошо, что у нее нет близких, мы никого не заставили страдать. Не встречала таких одиноких-преодиноких людей, как Изольда... Ни друзей, ни родных... Никого. В театре ее никто не помнит. Как же так?

- Слишком «хорошим» была человеком, потому все поспешили о ней забыть, как о кошмарном сне. Друзей нет, зато врагов, как семечек в арбузе. Столько зла наворотила за свою жизнь, что я удивляюсь, как дожила до таких преклонных лет.

- Все-таки человек, жаль ее... Не суди, да не судим будешь...

- Я не собираюсь никого судить, но нельзя зарабатывать деньги, делая гадости людям, которые по-доброму к тебе отнеслись.

- Матвей, пусть это останется на ее совести... А моих племянников точно не осудят?

- Опять ты за них тревожишься! Смерть на электрическом стуле им не грозит. Дело закрыли за отсутствием состава преступления.

- Может, всё зря... Липа в последнее время изменилась...

Изменилась, - подумал Матвей Суворов. – Если бы я не переехал в новую квартиру, не увидел во дворе красивую женщину, от которой у меня крышу снесло, не навел о ней справки и не начал подсматривал в бинокль за ее квартирой, не заметил, как эта племянница-злодейка над ней измывается, даже занимается рукоприкладством, не встретил бы эту племянницу в темном переулке и не поговорил по душам, она бы так и продолжала измываться над теткой. И кто теперь узнает, самостоятельно скончалась бывшая актриса, или к ее смерти, якобы некриминальной, кто-то приложил руку... Думаю, ее смерти кто-то поспособствовал. Тем более, Мотя говорила, что у племянницы «начальное» медицинское образование. То, что племянница приложила руку к смерти старухи, не вызывает сомнений по одной причине: испугалась, что у тетки появился защитник, поспешила ускорить процесс расправы. Опять же убийство раскроет защитнику глаза – с кем связался?!

Зачем убила малознакомого человека? Повредилась умом, везде видит врагов. Вот и племянникам от нее доставалось – не раз грозилась отравить. В связи с угрозами племянники никогда не садились у тетки за стол. Отрицает, что убила? И это понятно – ничего не помнит. Совершила убийство ни в чем неповинного человека в состоянии помешательства. У нее, у старушки, часто происходит расстройство сознания, с которым она не способна справиться самостоятельно. И галлюцинации случаются, сами были тому свидетелем...

Матрена-Матильда о чем-то говорила, мужчина не слышал – погрузился в размышления. Опомнился, когда она взяла его под руку. Он сразу сжал ее худенькую ручку в своей большой лапе. Мотя продолжала:

- Одного боюсь, что мой нынешний паспорт на имя Матильда считается недействительным и рано или поздно, меня арестуют.

- Не говори глупостей. Мы уже брали билеты на поезд, никто ничего не заподозрил... Кажется, я догадываюсь, на что ты намекаешь... Ох, и хитрушка!

- Бравый мужчина, напоминаящий бывшего военного, погрозил Матильде Раковой пальцем. – Хочешь, чтобы я взял тебя в жены?

- Хочу, - передернув плечами, словно сомневалась в сказанном, сказала женщина, которую язык бы не повернулся назвать старушкой. – Возьмешь меня замуж, господин Суворов?

- Возьму, - наигранно вздохнул Суворов. – Чего не сделаешь ради твоего спасения. А ведь давал себе зарок никогда не жениться!

- И это говорит человек, который три раза был женат.

- Это были тренировки для будущей жизни с замечательной женщиной с редким именем Матильда... Я могу называть тебя Мотей?

- Можешь, - благосклонно разрешила Ракова, которая в ближайшем будущем превратится в Суворову.

И произойдет сие радостное событие в отдаленном уголке нашей Родины, где никто не знает эту женщину. И никто не знает этого мужчину, который сам от себя не ожидал, что на восьмом десятке может влюбиться с первого взгляда в женщину, живущую в доме напротив...

Знающий человек - иначе Пушкина не назовешь - был прав, когда сказал - любви все возрасты покорны...

И если кто-нибудь скажет этому бравому мужчине, что в его возрасте жизнь – это изношенный халат, мужчина найдет веские аргументы для опровержения...

- Всё только начинается, - сказал Матвей Суворов и ласково прижал к груди любимую женщину...

Март 2017 г.